

МОВА – ЛІТЭРАТУРА – КУЛЬТУРА

Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі
(да 80-годдзя прафесара Льва Міхайлавіча Шакуна):
г. Мінск, 16–17 лістапада 2006 года

Мінск
ВТДА “Права і эканоміка”
2007

- Kirjuk, Aleksandr E., eds. Robert N. Rohins and Eugenius M. Uhlenbeck. 1991. "The Problems of Endangered Languages in the USSR." *Endangered Languages*. Oxford: Berg Publishers Limited.
- Kloss, H. (1966). German American Language Maintenance Efforts. In J.A. Fishman (ed.), *Language Loyalty in the United States*. The Hague: Mouton. pp. 206-52.
- Marshall, Camelot. 2000. *Post-Soviet Language Policy and the Language Utilization Patterns of Kyuwan Youth: Case Study of a Bilingual Society in Transition*. Doctoral Dissertation. Yung Mawr PA: Yung Mawr College.
- Meschkovskaja, Nina V. (2003). *Belorusskij jazyk. Sostojivajščinskije oščetki*. München: Verlag Otto Sagner.
- Potipkan, V. A. (2000). External causes for a limited usage of Belorussian. *Welt der Slaven-hilfswissenschaft für Slavistik* 1(45), pp. 49-58.
- Rivers, William F. (2003). "Attitudes towards Islamism among Kazakhstani College Students." *Language Policy*, 1(2), 159-174.
- Ronald, J. A. (1980). Fathers' and mothers' speech in early language development. *Journal of Child Language* 7: 353-369.
- Schenker, Alexander M. 1995. *The Dawn of Slavic: An Introduction to Slavic Philology*. New Haven: Yale University Press.
- Stevens, Gillian. 1985. "Nativity, Intermarriage and Mother-Tongue Shift." *American Sociological Review*. Vol. 50 (February): 74-83).
- Zarnidnik, Jan. 1998. *Historical Dictionary of Belarus*. Lanham: The Scarecrow Press, Inc.

**Гера Генцель, Светлана Тэш (Ольденбург, Германия)
ТРАСЯНКА: В КАКОЙ СТЕПЕНИ ОНА "РУССКАЯ", "БЕЛОРУССКАЯ"
ИЛИ "ОБЩАЯ"? (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ ОДНОЙ
СЕМЬИ)**

1. Введение

Феномен «Трасянки» в Беларуси является скорее предметом политических дискуссий, чем научных исследований. Тем не менее полностью она белорусской лингвистики не игнорируется (см.: Цыкун 2000, 2006, Мечковская [1994] 2003, 2002, 2005; Запрудскі 2003). Чего, однако, недостает, так это исследований, основанных на репрезентативных эмпирических данных. Учитывая тот факт, что говорящих на Трасянке мигрантов, это можно объяснить только эмоционально-негативной коннотацией Трасянки в сложном белорусском языковом ландшафте. Для белорусской лингвистики характерна поляризация, заклопотавшаяся в разделение на круги с белорусской и русской языковой ориентацией, для которых Трасянка (как правило) является камнем преткновения (ср.: Слобода). Поэтому не удивительно, что попытки описания Трасянки на основе более обширных эмпирических данных предпринимаются скорее за границей. Первым шагом в этом направлении является диссертация Ирины Лисковец (2005, Санкт-Петербург), посвященная языковой ситуации в Минске. В западноевропейской лингвистике такие феномены как белорусская Трасянка и украинский служак активно обсуждаются в рамках теоретической «контактно-лингвистической» дискуссии о смешивании языков, которая представлена в работах Мюскен (2000), Матас & Вахтер (2003), Ауге & Нинкелс & Кетсвиц (2005). Данная статья является предварительным исследованием к запланированному ольденбургской славистикой проекту по Трасянке и является продолжением тезисов, представленных в статье Неписчал & Тешч (2006).

2. Ольденбургский проект по Трасянке

2.1. *Пилотная фаза.* Проведенные работы носят пилотный характер и служат в подготовке будущего обширного исследовательского проекта. До сих пор удалось собрать небольшой корпус семейных разговоров. Записи проводились в Барановичах кругу одной семьи. Пока есть 29 транскрибированных диалогов¹. Эти диалоги вкочают в себя почти 3000 высказываний, в среднем состоящих из пяти словоформ. Значит, что корпус основывается на почти 16000 словоформах.

Участники записанных разговоров – это члены одной семьи, а также их близкие друзья. Всех информантов можно разделить на две основные подгруппы, а именно критерием поколения: поколение родителей, с одной стороны, и поколение детей другой. Поколение родителей – это предстанители мигрантов, которые в 60-е годы реходили из белорусской деревни в город. Это люди в возрасте 50–60 лет. Как известно это поколение в значительной степени представляет собой «кызобрательскі» Трасяни Второе поколение – это поколение их детей, которых сегодня около тридцати лет.

Кроме того, среди информантов есть и представитель третьего, точнее «нолевого» поколения. Это бабушка семьи, которая не является носителем Трасянки, а говорит местной разновидности белорусского языка. Но, все-таки, некоторые следы Трасяки можно заметить и у этой пожилой женщины, которой 80 лет. В будущем планируем провести похожий по способу и объему сбор данных в других «семейных контекстах» в других городах Беларуси.

2.2. *О методике.* Во время пилотной фазы возникли некоторые основополагающие методологические вопросы. Центральным на начальном этапе является морфологический анализ материалов. Все материалы находятся в электронной базе данных. Каж отдельная словоформа была разделена на составные части, т. е. на морфемы. Каждая словоформа анализировалась по определенным грамматическим признакам: падежу, числу у существительных, времени, роду, числу, лицу и наклонению у глагола т. д. Синтаксический анализ собранных данных еще не завершен.

Вторым главным компонентом проведенного анализа – кроме морфологического – характеристика всех словоформ – является анализ происхождения морфем и словоформ. Здесь имеется в виду не историческая этимология, а синхронное происхождение. Если Трасянка состоит из белорусских и русских элементов и структур, хотелось бы конечно итоге выяснить, насколько Трасянка является белорусской и насколько русской. Хотелось бы также выяснить, можно ли назвать один из контактных языков новым языком Трасянки, по структуре, с одной стороны, и по количественным данным, с другой. Такой анализ возможен только на основе обработанного корпуса каждой словоформы и даже для каждой морфемы данного корпуса необходимо усновить, можно ли назвать ее белорусской или русской. Но, когда мы имеем дело с камнями, близкими по происхождению и структуре, далеко не всегда возможно однозначно ответить на этот вопрос. Т. е. очень часто приходится называть элементы и структуры смешанной речи общими.

В отличие от других контактных ситуаций как, например, русско-караельск (Saitama 1999), в конкретной ситуации близкородственных и по своей структуре очень похожих языков необходимо решить, как поступать с этими общими элементами

¹ Еще не все диалоги пилотного проекта были заархивированы и обработаны. По окончании обработки материала количество данных из Барановичей удвоится. Также готовится состав информантов. В данный момент обладателю информации женского пола. Но нашей целью является достижение раннего сопоставления полов и различных поколений информантов.

Ми. Без этого при описании трасянки по разным моделям переключения кодов (ср.: Мускен 2000) невозможно определить место этого переключения. Здесь мы руководствуемся двумя принципами, первый из которых называется «принципом пренебрежения общими элементами при определении происхождения сложных языковых зна-ков».

Под этим подразумевается следующее: морфемы являются простыми языковыми знаками, которые можно оценить следующим образом: (1) белорусская, (2) русская, (3) общая. Словоформа – это уже сложный языковой знак. Здесь мы имеем дело с че-тырьмя основными возможностями классификации. Во-первых, словоформа является белорусской, если она состоит исключительно из белорусских морфем, а также – и это подчеркивается – если она состоит из белорусских и общих морфем. Во-вторых, сло-воформа соответственно считается русской, если ее составляют либо исключительно русские, либо русские и общие морфемы. В-третьих, словоформа считается общей, ес-ли она состоит только из общих морфем. В-четвертых, словоформа, в состав которой входят и белорусские, и русские (а возможно и общие морфемы) классифицируется как гибридная словоформа. Существует еще особый, пятый вариант. Этот пятый тип сло-воформ состоит, как и третий, исключительно из общих морфем, но он отличается от третьего тем, что сочетание этих морфем в данном значении встречается только в од-ном из двух языков. Так, например, бел. словоформа *жонка* как нейтральное соответ-ствие русской лексеме *жена*, в целом определяется как белорусский элемент. Все три морфемы словоформы *жонка*, т.е. корень *жон-*, суффикс *-к-* и флексия – общие. Но их сочетание как нейтральное выражение значения *‘жена’*, без разговорной коннотации – специфически белорусское явление. Также русское *подселил* состоит из трех общих морфем *под-, -сел-, -л*, но их сочетание специфически русское. Одним словом, такие примеры попадают либо в класс белорусских, либо в класс русских словоформ.

Принцип пренебрежения общими элементами применяется также и к предложен-ным, точнее высказанным. Основу оценки здесь составляют словоформы. Только пи-тый вариант здесь не предусматривается, потому что предложения, в отличие от сло-воформ, являются устойчивыми сочетаниями. Такими образом, и предложения попа-дают в один из четырех классов: они могут быть белорусскими, русскими, общими и, конечно, смешанными. Такая классификация важна, чтобы позднее попробовать опи-сать трасянку, используя модели переключения кодов. Как известно, следует отличать переключение кодов внутри предложения от переключения кодов между предложе-ниями.

Необходимо учесть еще один момент, пожалуй, самый важный при определении происхождения, а именно: какие языковые особенности следует принимать во внима-ние при определении морфем, словоформы и т. д. как белорусской, русской или об-щей. Здесь мы используем «принцип пренебрежения фонетикой». Это значит, что мы не учитываем фонетические особенности, когда определяем данную морфему или сло-воформу как белорусскую или русскую. Это, конечно, условное решение, целью кото-рого является разграничение трасянки и белорусского акцента в русском языке, т.е. различие интерференции на уровне фонетики и фонологии, с одной стороны, и на бо-лее глубоких уровнях, с другой. О фонетике собранного до сих пор материала можно

сказать только то, что она носит преимущественно белорусский характер? Это зна-ет что мы не принимаем во внимание следующие фонетические особенности того и иного языка: а) бел. *якanye* и русск. (и лит. бел.) *икanye* (сканье), б) бел. *пекanye* / д канье и русск. *падалатальные* [r¹], [r²], в) бел. исключительно непалагальный [p] и рус-копозитивы [p¹] – [p²], г) бел. фрикативное [r¹] и русск. взрывное [r¹], д) бел. непалагаль-ные [t¹] [t²] и русск. палагальные соответствия.

Из звуковых различий мы учитываем на данном этапе наших работ только те, ко-рые касаются морфологического уровня. Например, словоформе глагола *был* *быть* во втором лице единственного числа будущего времени мы определяем как-то словоформы независимо от того, была ли она произнесена *будеши* или *будешь*, тому что это закономерное фонетическое различие между белорусским и русским в ком. Словоформа того же глагола в форме того же времени и числа, но третьего ли-т. е. *будет* (независимо от того, произнесена ли она «правильно» или «по-белорус-ски *будет*) определяется как специфически русская, а *буде* (независимо от того, произ-несена ли она «правильно» или «по-русски» *буде*) как специфически белорусская сло-воформа. Причиной этому служит то, что отсутствие звука [t¹] в окончании белорус-ской словоформы нельзя описать как закономерное фонетическое различие между дву-языками. Это феномен морфологической репрезентации русского окончания, с одной стороны, и белорусского, с другой. Похожую ситуацию мы наблюдаем в отно-шении между русск. *живет* и бел. *жывеў*. Данная межязыковая оппозиция основыва-ет на контрасте русск. [t¹] – бел. [t²]. Различие здесь не такое явное как предыдущее, т русск. [t¹] – бел. [t²], но также носит морфонологический характер. Регулярный фо-логическим и фонетическим соответствием для бел. [t²] было бы русск. палагаль- [t¹], а не непалагальное [t¹].

2.3. Предварительные результаты. Основным вопросом является следующая: какой мере трасянка носит белорусский характер и в какой мере русский? Ниже при-ставлен ряд количественных результатов, полученных в соответствии с вышеописан-ными принципами, а также попытки их интерпретации.

2.3.1. Доля специфически белорусских специфически русских, общих и гибри-дных словоформ. Согласно описанным принципам, половина из 15890 словоформ (по ч-тотности употреблению) классифицируется как «общие» словоформы. Вторую поло-вину составляют специфические, т. е. русские или белорусские словоформы, при э-русские словоформы (28%) в некоторой степени преобладают над белорусскими (21). Достаточно интересный факт состоит в том, что в соборных материалах наблюдае-т совсем незначительное количество гибридных словоформ. Они составляют всего л-один процент из почти 16000 словоформ. Этот факт свидетельствует о том, что на-наформанты в состоянии отличить специфически белорусские морфемы от специ-фически русских морфем и избегать гибридных сочетаний. Предсказать то, что после-ет в речи носители трасянки, по крайней мере внутри пределов словоформы, доста-но легко, но только если корень словоформы является специфически белорусским, а специфически русским. Похожее явление наблюдается в контексте чисто белорус-предлогов как, например, *дзеля*, *каля* или чисто русских предлогов как, например, *к*

В дальнейшем запланированы подробный анализ фонетики и просодики, а также сопоставление фонетическо-фонологической парадигмы (между белорусским и русским) с лексической, морфологической и синтаксической па-радигмой.

ме, между, через. В соответствующих предложных группах либо крайне редко, либо вообще не наблюдаются лексемы из другого языка.

2.3.2. *Гибридные словоформы.* Несмотря на то, что гибридов мало, стоит отметить к ним внимательнее. Среди гибридов значительно преобладают (96% из 122 примеров) сочетания из русского корня и белорусского окончания или суффикса: *большы (на) крыльчы, надрываляся, прыгашае, утачынюць* и т.п. Сочетания из белорусского корня и русского окончания крайне редки (4%): *сёньнінне, ягі*.

Это, конечно, первый признак того, что грамматические, формообразующие морфемы в трасянке скорее имеют белорусское происхождение, а лексические, т.е. корни, больше подвержены русскому влиянию. Это совпадает с мнением Лисковца (2005). Это соответствует также и мнению Г. Цыркуна, который в разговоре с одним из авторов выразился следующим образом: «В трасянке не существует правил, но наблюдаются общие закономерности заимствования».

2.3.3. *Доля белорусских, русских и общих морфем в словоформах существительных, прилагательных и глаголов.* Если мы предполагаем, что трасянка – это вариант белорусского языка, который в большей степени заимствует русские морфемы, то можно констатировать, что это гораздо чаще корневые морфемы, чем формообразующие.

Морфема	бел.	русс.	общ.	количество морфем
Корень	5%	19%	76%	6187
Флексия	13%	8%	79%	5203

Если среди «лексических» морфем, например, среди корней имен существительных и прилагательных, а также глаголов преобладает русский элемент над белорусским, то среди флексий, т.е. грамматических морфем, преобладает белорусский элемент над русским. Однако, и в первом, и во втором случае преобладают в большей степени общие элементы. В наших материалах наблюдаются еще и другие указания на наличие общих закономерностей заимствования. Например, доля русских заимствований у шестивидельных выше, чем у глаголов и т.д.

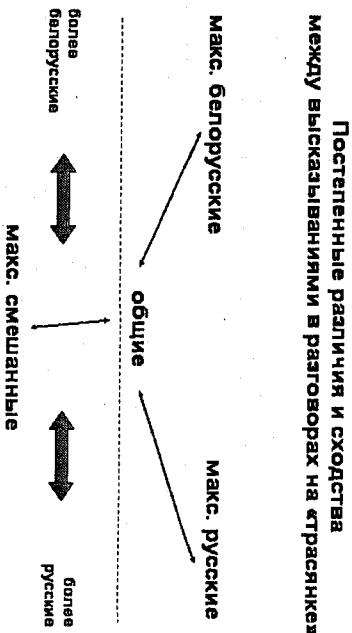
2.3.4. *Доля белорусских, русских, общих и гибридных словоформ у представителей разных поколений.* На основе количественных соотношений словоформ разного происхождения («происхождение» в выше представленном значении) наблюдаются и интересные различия между поколениями. Сравним данные трех «центральных» инфор-манток пилотного этапа работ.

Информантика	бел.	русс.	общ.	гидр.	количество словоформ
бабушка	43%	7%	48%	2%	311
мать	23%	25%	51%	1%	6231
дочь	15%	35%	50%	0%	3674

Первое интересное наблюдение таково: доля общих словоформ у всех трех информантов одинакова и составляет примерно половину всех словоформ. Предполагается, что это соответствует общему объему совпадения белорусских и русских словоформ. Второй важный момент состоит в том, что доля белорусских словоформ заметно меняется в зависимости от поколения: у бабушки сильно преобладают белорусские словоформы над русскими, у матери мы наблюдаем равновесие белорусских и русских словоформ, у дочери в свою очередь русские словоформы преобладают над белорусскими. Эти на-

блюдения позволяют интерпретировать трасянку этой семьи как постепенный переход с белорусского языка на русский (ср.: Sathima 2006 для карельско-русской ситуации), где описываются похожие явления в карельско-русском контакте.

2.3.5. *Уровень предожения (высказывания).* Головка (2001), как известный представитель контактной лингвистики, видит в трасянке и суржике феномены переключения кодов. В статье Neitschel & Tesch (2006) мы указали на развитие трасянки в направлении «смешения кодов» (language-mixing) в понимании Auer (1998). Приведем некоторые количественные данные. В целом картина такова, что более чем одна треть всех предожений (37%) представляет собой «смешанные» предожения, т.е. содержащие как специфически белорусские, так и специфически русские (и в большинстве случаев и общие) словоформы. Эти высказывания нужно исследовать с точки зрения моделей переключения кодов, причем переключения внутри предожения. Однако, в большинстве случаев мы имеем дело с переключением кодов между предожениями. Встречаются и предожения, состоящие исключительно из общих словоформ. Их можно назвать общими предожениями, которые – судя по их морфемному составу – возможны в обоих контактных языках. Они составляют 10% всех предожений, в то время как белорусских предожений в два раза больше (20%), а русских – в три раза (33%). Но, следует заметить, что общие предожения не обязательно должны сильно отличаться от белорусских предожений, с одной стороны, и русских, с другой. Поэтому что предожения, в которых есть хотя бы единственная белорусская или русская словоформа (или даже морфема) и, скажем, десять общих словоформ, являются по нашему определению соответственно белорусскими или русскими предожениями. Также обстоит дело с гибридными предожениями. Предожения, в состав которых входит хотя бы одна белорусская и одна русская словоформа и десять общих, считаются гибридными предожениями. Другими словами, здесь мы имеем дело с континуумом, имеющим три вектора.

В центре находятся стопроцентные общие предожения, в конце первого вектора находятся стопроцентные белорусские предожения, в конце второго вектора – стопроцентные русские предожения, в конце третьего – стопроцентные гибридные предожения. Внутри гибридных предожений мы опять имеем дело с континуумом. Здесь

могут преобладать либо белорусские, либо русские словоформы, или их соотношение может быть уравновешено.

2.3.6. *Формообразующая морфология.* Как известно, спряжение глаголов в настоящем времени в белорусском и русском языках отличается друг от друга окончанием третьего лица единственного и множественного числа: ед. ч. бел. *-е / -а / -э* – русск. *-ет*; бел. *-ць / -чы* – русск. *-ят*; бел. *-ць* – русск. *-ст (-ств)*; мн. ч. бел. *-юць* – русск. *-ют*; бел. *-яць* – русск. *-ят*.

Число	бел.	русск.	количество флексий
Единств.	74%	26%	337
Множеств.	50%	50%	117

Интересно то, что количественное соотношение белорусских и русских флексий в единственном и множественном числе резко отклоняется. В единственном числе – это соотношение три к одному в пользу белорусских флексий. Во множественном числе наблюдается равновесие.

Похожее явление встречается в склонении прилагательных в единственном числе. Формальные различия во флексах касаются прежде всего именительного падежа (бел. *-ы/-и*, русск. *-ий/-ий/-ой*), родительного падежа бел. [ʏʏʏ], русск. [ʏʏʏ], а также винительного, который, как известно, совпадает либо с именительным, либо с родительным, и наконец предложного (бел. *-ым/-им*, русск. *-ом/-ем*). Показательны в этой связи следующие три факта:

Падеж	бел.	русск.	количество флексий
Имен.	67%	33%	97
Род., дат., вин., твор.	49%	51%	61
Предл.	23%	77%	48

(а) в именительном падеже белорусские флексии преобладают над русскими, их соотношение – два к одному, (б) в родительном и винительном падежах наблюдается количественное равновесие, (в) в предложном падеже явно преобладают русские флексии над белорусскими, их соотношение – четыре к одному. Можно предположить следующую интерпретацию. В так называемых немаркированных случаях, т. е. в единственном числе спряжения глаголов и в именительном падеже склонения прилагательных белорусские флексии сохраняются гораздо лучше, чем в маркированных. Это проявление общей закономерности внутрисистемного языкового изменения. В маркированных грамматических конструкциях грамматические изменения происходят быстрее. Явное предпочтение русских окончаний у прилагательных мужского рода в предложном падеже может быть обосновано другой закономерностью внутрисистемного развития. Употребление русской флексии приводит к устранению омонимии с творительным падежом, т. е. склонение прилагательного по схеме формальной дифференциации приближается к образцу склонения существительных. Одним словом, в траектке действия и закономерности внутрисистемного изменения языка.

3. Заключение

В качестве заключения хотелось бы подвести итог, хотя до достоверных результатов и итогов ольденбургским исследованиям пока далеко. Материалы еще недостаточно репрезентативны и нуждаются в тщательной проверке. Главной целью статьи было представить, какого рода исследования планирует провести ольденбургская славистика в

области белорусско-русских языковых контактов. Конечно, на будущих этапах работы будут учитываться и фонетика, и синтаксис, и лексикология. Тут необходимо влияние таких факторов как темы разговоров, состав собеседников и т.д. Но все-таки можно было бы уже сейчас сделать следующий осторожный вывод: траектка не является однородным явлением, также как и говорящие на траектке сегодня уже не представляют собой однородную общезычную группу. В речи на траектке наблюдаются разные закономерности динамического развития языка, как например, закономерности взаимодействия, закономерности внутриязыкового развития, закономерности постепленного перехода с одного языка на другой, закономерности, типичные для изучения иностранного языка и т. д. Все это стоит исследовать подробнее.

Литература

Головко, Е. 2001. Переключение кодов или новый код? // Труды факультета этнологии Европейского университета. Вып. 1. Санкт-Петербург. 298-317.

Замулисц, С. 2003. Беларуськая мова ў не кантактах з расейскай: у пэўных адміністрацыйна-адукацыйных умовах // *Літвін* 50, 73-94.

Лисковец, И. 2005. Русский и белорусский языки в Минске: проблемы двуязычия и отношения к языку. Автореферат кандидатской диссертации. Санкт-Петербург, Европейский университет.

Менковский, Н. [1994] 2003. Языковая ситуация в Беларуси: этническое коллизии двуязычия // *Мечковская Н.Б.* *Белорусский язык: Социолингвистические очерки*. Минск, 21-46.

Менковский, Н. 2005. Белорусская траектика и украинский суржик: суррогат этнического субстрата в их отношениях к массовой культуре и литературным языкам // *Проблемы эвганской лингвистики*. Вып. 7. Київ, 109-115.

Менковский, Н. 2002. Язык в роли идеологии: национально-символические функции языка в белорусской языковой ситуации // *Суптсмандрт, К. (Низе.)* *Mobilkeiten und Grenzen der Standardisierung slavischer Schriftsprachen in der Gegenwart*. Dresden, 124-141.

Словьд, М. Катэгорыі "траектыка" і "эксклозіўнасьць" як дыскурсыўныя аб'екты: іх паходжанне ўжыванне ў славянска-беларуска-расейскім і славянска-чэшскім дыскурсах. Даклад на IV міжнародным кангрэсе беларусістаў (Мінск, июнь 2005, в печати).

Цыжун, Г. 2000. Крайзававаны прадукт. Траектыка як аб'ект лінгвістычнага даследавання // *Архів*. 2000 № 6, 51-58.

Алур, Р. 1998. From code-switching via language mixing to fused lects: Toward a dramatic typology of bilingual speech (= Interaction and Linguistic Structures 6). Freiburg.

Алур, Р./HANSKENS, F./KEMSWILL, P. 2005. (eds.) *Dialect change: convergence and divergence in European languages*. Cambridge.

Сусонд, Н. [= Тукучин, Н.] 2006. The Linguistic Situation and Mixed Language Forms in Belarus // *Nitoyu, Language and Society in the Borderlands of Europe. Ukraine and Belarus in Focus*. Выдава Тём дзіст-Рева (ed.). Sekel Voköbdrlag, 61-75.

НЕНТСЕН, Г./ТЕСЕН, С. 2006. "Траектыка": Eine Fallstudie zur Sprachmischung in Weißrussland // *Stevk D./VOSS, C. (eds.) Marginal Linguistic Identities. Studies in Slavic contact and borderland varieties*. Wiesbaden (= *EuroLinguistische Arbeiten*, Bd. 2), 213-243.

МАТКАС, У./ВАККЕР, Р. 2003. (eds.) *The mixed language debate*. Berlin.

МУРГУСЕН, Р. 2000. *Bilingual Speech*. Cambridge.

САВНАМ, А. 1999. *Syntactic transfer, contact-induced change, and the evolution of bilingual mixed codes*. Focus on Karelian-Russian language alternation. Helsinki (= *Studia Fennica Linguistica* 9).

Sакнiмa, A. 2006. Bilingual codes: the terminal stage in an ongoing language shift or an intermediate stage in the evolution of a mixed language? // STEYN, D./ VOSS, C. (eds.) Marginal linguistic identities. Studies in Slavic contact and borderland varieties. Wiesbaden (= Etnolinguistische Arbeiten, Bd. 2).

С. Запрудскі (Мінск, Беларусь)

АБ УЗДЗЕЯННІ ЭКСТРАЛІНГВІСТЫЧНЫХ ФАКТАРАЎ НА РАЗВІЦЦЕ МОВЫ: ДА ХАРАКТАРЫСТЫКІ БЕЛАРУСКАЙ СІТУАЦЫІ

Атрыкул краўдзкая даследаўшца Маша Каўкі "Аб каліфікацыйнай нормай сучаснай македонскай мовы" (2002) адрываецца аб'явам, у якім аўтар падкрэслівае, што спосаб каліфікацыі македонскай мовы (пры якім "існуюць" нормы адназначна залежыць... ад пастаючай пэўнай камісіі" і яно вызначалі "не толькі каштэтывы, складзеныя з прафесійнай мовы і літаратуры, але таксама і палітычны дзеячы") не мае прадэмантаваць у гісторыі польскай мовы і фактычна немагчыма для яе.

З навуковага дрэва

1. Гаворачы аб развіцці мовы, звычайна размяжоўваюць унутраныя і знешнія (экстралінгвістычныя) фактары. Калі гаварыць пра ўнутраныя фактары, то, нематэрыяльна без сувязі з сістэмай мовы, з 1950-х гадоў у Савецкім Саюзе і ў Беларусі яны вывучаліся зусім паспяхова. Магутны імпульс да даследавання ўнутраных чыннікаў развіцця мовы адбыўся ў гэты час у рамках агульнага аздараўлення лінгвістычнага жыцця, якое адбылося пасля выдомай дыскусіі на старонках газеты "Правда". У названай дыскусіі і пазней у брашуры "Марксізм і пытанні мовазнаўства" адзін з дыскусантаў, Іосіф Сталін, звычайна, што кожная мова развіваецца не авольнальным парадкам, але паводле ўнутраных законаў свайго развіцця. Гэты тэзіс быў своеасаблівай прышчэпчай-перасцярогай ад саванолі марудскага перыяду, калі параўнальна-гістарычнае мовазнаўства адмаўлялася, а развіццё розных моў, згодна з трактоўкай Марра, адбывалася пад уплывам плагатэстычных стадыі, "скрыжавання" моў і г.д. Акрурат унутраныя законы развіцця мовы лінгвісты і павінны былі вывучаць, гэтак пазначана правадзіра-мовазнаўца было належаць чынам правачытана ўсім савецкімі лінгвістамі. Калі звярнуцца да беларускіх рэалій, то можна нагадаць, што першай агульнагэарэтычнай задачай беларускіх лінгвістаў, якія прадавалі талды ў адноўленым у 1952 г. Інстытуце мовазнаўства, было вызначана акрурат "вывучэнне ўнутраных законаў развіцця беларускай мовы" [Суднік 1954, с. 15].

Можна называць і іншыя чыннікі, што спрыялі паспяховаму вывучэнню ў другой палове мінулага стагоддзя ўнутраных законаў развіцця розных моў (напрыклад, урастанне міжнароднага аўтарытэту Пражскай школы, разгортванне структуралістычных даследаванняў і інш.). У "аднаўленчай" перыяд (як можа называць перыяд 1950-х гг.) значна ўзрасла ўвага лінгвістаў розных напрамкаў да ўнутраных законаў развіцця мовы, і невялікава першай брашурай у серыі выданню па "асноўным пытаннях мовазнаўства", што стала выдавацца ў Маскоўскім дзяржаўным універсітэце з 1954 г., стала праца У.А.Звягінцава "Внутренние законы развития языка" [Звягінцев 1954]. Аднак, напэўна, няма патрэбы даводзіць вылавочнае.

2. А як вывучаліся знешнія фактары развіцця мовы?

Сітуацыя тут была найпростай. Па-першае, старанымі Марра і яго эпітонаў сацыялагічнае вывучэнне моў было ў значнай ступені дыскрэдытавана, адпаведна, у 1950–1960-я гады яно проста было не ў паштане. Па-другое, савецкая сацыялінгвістыка,

у рамках якой такія даследаванні маглі праводзіцца, зардажжася (ці, згодна з іншым падыходам, адраджжася) у 1960–1970-я гады з вылікімі складанасцямі. Па-трэцяе, у гэты ж час – у значнай ступені акрурат у сувязі з экстралінгвістычнымі фактарамі – у Савецкім Саюзе адбывалася не развіццё, а эрозія, заняпад розных моў, адпаведна такога тыпу даследаванні маглі кваліфікавацца як "палітычна нежаданыя".

Спапробілася німака часу і намаганню для таго, каб знешнія фактары развіцця мовы сталі займаць належнае месца ў працах мовазнаўцаў, у тым ліку беларускіх. Напрык над, у 1993 г. зусім прадметна разважала на гэтую тэму Н.Б. Мачкоўская ў калектыўнай кнізе "Общее языкознание. Сущность и история языка" (гл. невялікі раздзел "О возможности сознательного воздействия общества на развитие языка"). Даследчыца выдзеліла сферы, якія асабліва прыдатныя для прыкладання да мовы намаганню грамадства (графічна-арфаграфічныя рэфармы, старанне тэрміналогіі каліфікацыі літаратурнай нормы) і зазначыла, што найбольш паўназначна гэты чыны рэалізуюцца ў перыяд складвання нацыянальна-літаратурных моў [Мачкоўская 1993, с. 112–121].

2.1. Добрай лабараторыяй для такога тыпу даследаванняў служылі і служыць працы славістаў, асабліва прысвечаныя тым мовам, якія некалі зведлі былі ў свайм развіцці перыяды заняпаду (гэта значыць, усім славянскім мовам, за выключэннем рускай польскай). У славістыцы існуе асобнае, можна сказаць, унікальнае працэ, аўтары якіх імкнуцца паказаць наўнасць нейкіх канкрэтных рысак у канкрэтных сучасных славянскіх літаратурных мовах не пры гэтым, што гэтыя рысы нібыта ўласцівы "сістэме" гэтай мовы, але таму, што гэтыя рысы былі ўведзены "штучным шляхам" тым асобным каліфікатарам і адностроўвалі яго, каліфікатара, асабісты прыхільнасці. У гэтым плане заслугу мае пільнай увагі артыкул 1967 г. брытанскага славіста Роберта Оці "Унутраныя і знешнія фактары ў развіцці славянскіх літаратурных моў" аублікаваны ў 7-м томце серыі "Indica z filologii Polskiej i Słowiańskiej" [Аці 1967].

2.1.1. У артыкуле Р.Оці зроблена вельмі цікавая спроба выключона дасягана адмежаваць змены ў мовах, якія адбываюцца пад уздзеяннем іманентнага развіцця гэтых моў, ад тых зменаў, якія выкліканы знешнім уплывам на мову, інакш кажучы, "навазнана" мове. На думку брытанскага славіста, аперывалі адзіна ўнутранымі фактарамі прымацьна толькі ў тых выпадках, калі мы займаемся мовамі супольнасцёў, якія не маюць пісьменства, або праводзім рэканструкцыю моў, на якіх гаварылі талды, калі не існавала пісьмовых запісаў. Калі ж мы займаемся даленымі моў пачынаючы з сярэдзіны 18-га стагоддзя (калі ўжо выпадзе гаварыць пра нацыянальную свядомасць пашырэнне адукацыі, развіццё складаных структур сучасных дзяржаў), калі мы слязем у час, калі мовы сталі аб'ектам наўмыснага (дэлібэратэ) культавання і мадыфікацыі то зусім неабходна ўплывае знешні – як сацыяльны, так і асабісты – чыннікі. У такім падыходзе, паводле Оці, няма адмаўлення прыроды мовы як сістэмы, але ідзеце пра тое, што неабходна вывучаць розныя складаныя спосабы, праз якія моўная сістэма існуе і развіваецца.

Брытанскі славіст лічыць, што ўплыву на моўнае развіццё асобаў (навукоўцаў пісьменнікаў, палітыкаў) або інстытуцый (акадэміі, гаварыстваў, урдаў) асабліва выразна можна назіраць акрурат у талне славянскіх моў, і асабліва моў Цэнтральнай Еўропы і Балканаў. У гэтым рэгіёне моўнага адраджжэнні былі інспіраваны і кіраваны інтэлектуальна-нацыяналістамі, якія часта навадзілі на новую абс адноўленую мову пэўнага фінанцавага, марфалагічнага або арфаграфічнага